18+

увидимся во вторник

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

влад лунь

18+

Влад Лунь
Увидимся во вторник

https://litres.ru/74708673
SelfPub; 2026

Аннотация

Виктор Линднер вырос в ГДР, в Потсдаме. В семнадцать лет он уехал учиться в Москву и так и не вернулся. В девяностые он работает психологом в районном диспансере подмосковного посёлка Лесное. Коллеги советской закалки лечат таблетками и не понимают, как можно часами просто разговаривать с пациентом. Но его методы работают.

Слухи о немце, который умеет разговорить тех, от кого отказались все, расходятся быстро. Виктора зовут туда, где официальные объяснения больше не помогают: в Кыштым, где нашли странное существо, и в степь у Медведицкой гряды, где по ночам над полем загорается зелёный свет. Каждый раз он находит разумное объяснение. Почти каждый.

А тем временем в его жизнь возвращается то, что он сам давно забыл. Письма из Потсдама, камень, который он с детства носит в кармане, и дом на Штайнштрассе, где однажды случилось то, о чём молчала вся его семья.

Влад Лунь
Увидимся во вторник

Пролог. Тук-тук-тук

Подмосковье, посёлок Лесное. Октябрь 1996 года

Кабинет находился в дальнем крыле старой усадьбы. В двадцатые годы её отдали под психиатрическую лечебницу, при Хрущёве переименовали в районный психоневрологический диспансер, а к середине девяностых о ней, кажется, забыли все, кроме больных. Половина окон в западном крыле была заколочена фанерой. На лестничных пролётах цвела плесень. В коридорах жило эхо, и если пройти по ним вечером, оно начинало отставать на полшага, будто следом шёл кто-то ещё и старался ступать в такт.

Виктор Линднер давно перестал оборачиваться.

Его кабинет пах табаком, старой бумагой и сыростью, которую не брал ни один обогреватель. Стол из тёмного дерева был весь в трещинах, и в свете лампы они складывались в карту: дороги, реки, границы стран, которых нет ни в одном атласе. Абажур украшал выцветший узор из переплетённых змей — наследство прежнего хозяина кабинета, которого, по слухам, в восемьдесят девятом увезли отсюда же, только в другое крыло.

Книги на полках стояли на трёх языках. Фрейд и Юнг на немецком соседствовали с дореволюционной «Гоэтией»,

купленной на Измайловском рынке у человека с бегающими глазами, и с латинскими трактатами, которые Виктор не столько читал, сколько держал при себе.

В стеклянном шкафу в углу хранилось то, что коллеги называли коллекцией, а санитарки — чертовщиной. Обсидиановый диск с выгравированной спиралью. Обломок бетона со стройки на Каширке, на котором кто-то нацарапал угловатый знак, похожий на раздавленного паука. Половина пожелтевшей фотографии: худой мужчина в шинели без погон смотрит в объектив выгоревшим, пустым взглядом. Вторую половину снимка оторвали задолго до того, как он попал к Виктору.

Над столом висел единственный личный предмет в комнате. Маленькая выцветшая фотография в простой рамке: высокий сутулый старик сидит на скамейке у реки, а рядом с ним мальчик лет шести. Старик положил мальчику на макушку ладонь. Посетители иногда спрашивали, кто это. Виктор отвечал: «Дед». И почему-то всегда отвечал чуть мягче, чем говорил обычно.

Окно выходило на пустырь. Там росли берёзы, кривые, словно их стволы годами скручивало что-то под землёй. За берёзами чернели руины церкви святого Варфоломея, взорванной в тридцать седьмом. Местные краеведы любили рассказывать, что до церкви здесь стоял монастырь, а до монастыря — языческое капище. В районном архиве Виктор однажды наткнулся на отчёт землемера 1911 года. Под фун-

даментом монастыря тот обнаружил круг из тринадцати валунов, «породы, в здешних местах не встречающейся». Отчёт заканчивался просьбой перевести автора в другую губернию. Почему-то эта строчка запомнилась Виктору лучше всего остального.

Был вечер понедельника. Приём закончился два часа назад, третий день шёл дождь, и по подоконнику стучали тяжёлые редкие капли. Виктор дописывал квартальный отчёт и курил «Беломор», выпуская дым к потолку, где в углу темнело пятно паутины.

В дверь постучали.

Тук. Тук. Тук.

Три удара, ровных, неторопливых, с одинаковыми паузами. Виктор не поднял глаз и сам не смог бы объяснить почему: просто не захотел.

— Открыто.

Дверь медленно отошла внутрь.

Женщине было лет тридцать. Тёмные волосы собраны кое-как, лёгкое пальто не по октябрю, на рукаве — засохшее пятно охры. От неё пахло скипидаром и масляной краской, и этот запах на секунду перебил даже табак. Руки она держала перед собой, сцепив пальцы, и Виктор, наконец подняв взгляд, сразу заметил ногти, обкусанные до мяса.

— Присаживайтесь, — он кивнул на кресло. — Чаю?

— Нет. Спасибо.

Кресло для пациентов было старым, с продавленным си-

деньем и резной спинкой. Резьба изображала виноградную лозу, но кто-то, ещё до Виктора, перечеркнул все гроздья глубокими ножевыми насечками. Женщина опустилась на самый край, осторожно, будто боялась продавить его ещё сильнее.

— Меня зовут Татьяна. Я… не знаю, как это объяснить.

Виктор открыл журнал приёма и вывел дату.

— Фамилия?

Она помолчала.

— Это важно?

— Нет, — сказал он и написал просто: «Татьяна». — Говорите как есть. Я психолог, не психиатр. Здесь никого не запирают и диагнозов не ставят.

Голос у него был спокойный, почти сонный. Пациенты часто принимали это за равнодушие и успокаивались. Взгляд же оставался острым, внимательным, взглядом человека, который привык замечать то, что от него прячут.

— Я слышу шёпот, — сказала Татьяна. — Из стен. Иногда из телевизора. Выключаю его, а они всё равно говорят. Тихо, как будто за стеной соседи. Только соседей нет. Я одна живу.

— Что они говорят?

— Зовут. К реке.

Виктор положил ручку.

— Какой реке?

— Красной. — Она сказала это так просто, словно речь шла о Москве-реке. — Там, где раньше был монастырь. Я ре-

ставратор, работаю с иконами. Летом нас возили сюда, смотреть фрески в развалинах. Там почти ничего не осталось. А у старого моста, где вода чёрная, я нашла камень. После этого они стали громче.

Она достала из сумки свёрток. Ткань оказалась старым носовым платком, застиранным до серости. Татьяна развернула его на коленях, не касаясь того, что лежало внутри, и протянула Виктору.

Камень был размером с крупную сливу, тёмный, гладкий, словно его веками обкатывала вода. На одной стороне кто-то вырезал знак: угловатые, неправильно изломанные линии, похожие одновременно на паутину и на паучьи лапы.

Виктор взял его. Холод прошёл через пальцы до самого локтя, совсем не каменный, а какой-то колодезный, глубокий. Большой палец сам нашёл на гладкой поверхности едва заметную выемку и лёг в неё, как в знакомую.

Ложное узнавание, сказал он себе. Дежавю. Мозг устал, мозг подсовывает старые шаблоны. Бывает с каждым, кто работает по двенадцать часов.

— Вам снился сон, — сказал он. Это был не вопрос.

Татьяна кивнула.

— Женщина. Без лица. Она держала этот камень и сказала: «Ты уже наша». — Татьяна сглотнула. — Вы знаете, что такое Красная река?

Виктор медленно повернул камень. Знак поймал свет лампы и как будто на мгновение сдвинулся, хотя этого, конечно,

быть не могло.

— В вашей картине мира это граница, — сказал он. — Место, где заканчивается всё, что вы можете себе объяснить, и начинается то, чего вы боитесь.

— Вы мне не верите.

— Я верю, что вы это слышите. Это разные вещи, но для работы этого достаточно. — Камень лёг на стол между ними. — Расскажите про голос. Какой он был?

Татьяна молчала, глядя на свои руки.

— Знакомый, — наконец сказала она. — Только не мне. Как будто я слышала его чужими ушами. Глупо, да?

— Нет, — ответил Виктор, и сам удивился, как глухо это прозвучало. — Совсем не глупо. Закройте глаза, Татьяна. Не торопитесь. Вернитесь туда, к реке.

Она закрыла глаза.

Где-то в глубине здания, а может быть, под полом, что-то трижды стукнуло. Виктор решил, что это трубы.

ГДР, Потсдам. Осень 1971 года

Этого Виктор Линднер почти не помнил. От того дня остались только обрывки, как от сна, который пытаешься пересказать утром, а он рассыпается в руках.

Дом на Штайнштрассе был старым двухэтажным особняком с высокой черепичной крышей, зажатым между двумя панельными коробками, которые выросли вокруг него за последние десять лет. Власти почему-то его не снесли. Может, забыли. Может, руки не дошли. Отец говорил, что дом им

оставил дед, «участник антифашистского сопротивления». Говорил это ровно, как читают по бумажке, и Виктор уже в девять лет понимал, что за этими словами что-то спрятано.

Деда звали Эрих. Из всего детства Виктор по-настоящему помнил только его.

Высокий, сутулый, с одним плечом чуть ниже другого, он пах табаком, холодом и почему-то речной водой. Когда-то он был геологом. По воскресеньям, если погода позволяла, он брал Виктора за руку и вёл на Хафель, к реке, на старую скамейку под ивой. Там он доставал из кармана камешки и раскладывал их на ладони: этот базальт, этот кварц, этот кусочек гранита, которому, может быть, миллиард лет. «Камни — это память земли, майн Кляйнер, — говорил он. — В каждом записано всё, что с ним было. Нужно только уметь читать». Майн Кляйнер. Мой маленький. Больше никто в доме так Виктора не называл.

Иногда, проходя мимо, дед клал ему на макушку тяжёлую сухую ладонь и держал её там чуть дольше, чем нужно. Виктор замирал под этой ладонью, как замирают котята. Это было самое тёплое, что он знал.

Когда Виктору было шесть, дед заболел. Перебрался жить наверх, на чердак, в маленькую комнатку под крышей, и с каждой неделей спускался всё реже. А потом перестал спускаться совсем. «Умер», — сказал однажды утром отец, не отрываясь от газеты. Похорон Виктор не помнил. Не помнил даже, чтобы кто-нибудь после этого поднимался наверх.

Дверь на чердак заперли на тяжёлый амбарный замок, и ключ отец носил при себе.

Виктор очень скучал. Так, как умеют скучать только дети, всем телом, не понимая, что с этим делать. Иногда, когда родителей не было дома, он садился на пол у чердачной двери и сидел там, прислонившись к ней спиной. Ему казалось, что так дед ближе.

Родители деда не любили. И Виктора, как он понял гораздо позже, тоже.

Отец, Бруно Линднер, когда-то был инженером, а теперь работал на вагоноремонтном заводе. Тяжёлый человек. Не толстый, а именно тяжёлый, как бывает тяжёлой грозовая туча. Говорил мало, а если говорил, то коротко и зло. Неделями мог не замечать сына, а потом за пролитое молоко или за плохую отметку по русскому снять ремень и бить. Молча, методично, не меняясь в лице, будто выполнял работу. Потом уходил на кухню, закуривал у окна и смотрел куда-то сквозь стекло.

Мать, Ингрид, работала в аптеке и пахла спиртом и лекарственной пылью. Она не била его так часто, как отец. Ей это было не нужно. У неё были слова. «Ты весь в него», — говорила она, и Виктор не сразу понял, что «он» — это дед. «Испорченный. Как он». Она могла не разговаривать с Виктором по нескольку дней, могла запереть его в комнате без ужина за то, что он слишком громко засмеялся. Всё остальное время она мыла. Пол, подоконники, стол, раковину. И особенно, с

каким-то ожесточённым усердием, пол у чердачной двери. Из-под той двери тянуло сладким, приторным, как из оранжереи, где давно засохли цветы, и мать тёрла доски щёлоком, пока не сдирала кожу на пальцах. Запах не уходил. На шее у неё висел фарфоровый медальон с тонко выписанной синей спиралью, и она постоянно теребила его пальцами.

Если она заставала Виктора сидящим у чердачной двери, она хватала его за ухо и тащила в комнату. А вечером об этом узнавал отец, и тогда снова был ремень.

Иногда по ночам Виктор слышал, как они разговаривают за стеной. Шёпотом, зло, обрывками, которые он не понимал и которые потом, много лет спустя, будут казаться ему частью сна.

— …надо было отдать его тогда. Как в Старом Доме.

— Отец не позволил.

— Твоего отца больше нет, Бруно.

— Тише…

— Гость принял задаток. Камни. Ты видишь, они появляются…

О каких камнях они говорят, Виктор понимал. Камни находились будто сами: в кармане куртки, под подушкой, на подоконнике у кровати. Гладкие, холодные, тяжёлые, не похожие на гальку с Хафеля. Мальчику казалось, что это дед. Что дед, как раньше, оставляет ему камешки, только теперь тайно, чтобы не видели родители. Находки отправлялись в коробку из-под ботинок под кроватью. Но отец каждый раз

находил коробку, молча забирал камни, а потом молча бил.

Стук начался осенью. Тихий, редкий, откуда-то сверху. Тук. Тук. Тук. Как будто кто-то легко постукивает костяшками пальцев по дереву. Родители делали вид, что не слышат. Мать крестилась, быстро и украдкой, хотя в их доме о Боге не говорили никогда. А Виктор слушал этот стук и думал о деде.

В среду, в середине октября, мать ушла днём в аптеку, где давали какие-то дефицитные капли, а отец был на сверхурочной. Уходя, мать сказала обычное: «Сиди тихо. К чердаку не подходи». И хлопнула дверью.

Виктор остался один.

Стук начался почти сразу. Сначала тихо, потом настойчивее. Тук. Тук-тук. Тук. Виктор сидел на кухне над учебником и не мог читать. Потом встал и пошёл в прихожую.

Потом он не сможет вспомнить, как всё было по порядку. Только отдельные картинки, как кадры с испорченной плёнки.

Ключ на полу у вешалки, рядом с каблуком отцовского ботинка. Наверное, выпал из кармана куртки. Длинный, тёмный, ржавый, с бородкой странной угловатой формы и спиралью на рукояти. Такой же спиралью, как на мамином медальоне.

Дедов фонарь у окна. Тяжёлый, жестяной, с толстым зелёным стеклом. Дед как-то показывал ему, как его зажигать, и говорил: «Никогда без меня, майн Кляйнер». Виктор щёлк-

нул рычажком, и внутри загорелся ровный зелёный свет.

Скрежет ключа в замке. Дверь, отходящая внутрь. Холодный воздух, пахнущий землёй, пылью и почему-то увядшими цветами.

Лестница вверх. Зелёный свет на пыльных ступенях. Какой-то свёрток у стены, на который он почему-то не стал смотреть.

А наверху, у края перекрытия, стояла тень.

Она была очень тёмной и очень спокойной. Она не двигалась. И Виктор узнал её. Не сразу, а постепенно, так, как узнают в тумане знакомую фигуру на другой стороне улицы. Высокая. Сутулая. Одно плечо чуть ниже другого.

— Опа? — шёпотом сказал он. Дедушка.

Тень не ответила. Но Виктору показалось, что она чуть наклонила голову, как дед, когда слушал его рассказы про школу.

Потом тень подняла руку и указала куда-то вглубь чердака.

Виктор пошёл. Страха не было. Страшно станет потом, много лет спустя, при попытке вспомнить. А тогда мальчик просто шёл за дедом, как ходил с ним к реке.

В дальнем углу, на выскобленном полу, был какой-то узор, выложенный из тёмных камешков, и вокруг него процарапанная в досках спираль. А у стены лежала тетрадь в потёртом кожаном переплёте. На обложке было вытиснено имя: «Erich Lindner».

И в голове прозвучал голос. Сухой, усталый, родной, пахнущий табаком и холодом.

«Nimm. Versteck».

Возьми. Спрячь.

Виктор взял тетрадь. Прижал её к груди. Когда он поднял глаза, тени уже не было. Она растворилась в зелёном свете, тихо, как будто дед просто вышел в соседнюю комнату.

Дальше всё было быстро и плохо.

Грохот входной двери. Голос матери, высокий, срывающийся. Тяжёлые шаги отца по лестнице. Виктор успел сунуть тетрадь под свитер, за пояс штанов, прежде чем отец схватил его за шиворот и стащил вниз, так, что Виктор пересчитал рёбрами половину ступенек.

Потом была кухня. Ремень. Мать, которая кричала: «Ты весь в него! Ты такой же, как он!» Отец, который бил молча, сильнее, чем когда-либо. Виктор не плакал. Только прижимал руки к животу, к спрятанной тетради, и думал только о том, чтобы её не нашли.

Когда всё закончилось, отец отбросил ремень, тяжело сел на табуретку и смотрел на Виктора. Лицо у него было не злое. Оно было серое, пустое и очень усталое.

— Гость, — сказал он тихо, почти беззвучно. — Теперь Гость знает тебя. Навсегда.

Виктор не понял, о чём он. Потом его заперли в комнате. Без ужина.

Ночью, когда в доме стихло, он отодрал плинтус за кро-

ватью и затолкал тетрадь в щель под половицу. Потом лёг, тело болело, голова горела. Чердак уже расплывался в памяти, как рисунок на мокром стекле, и Виктор чувствовал, что забывает его, и не мог этому помешать.

Сквозь сон ему показалось, что под кроватью что-то тихо стукнуло. Тук. Тук.

Утром на полу у кровати нашёлся камешек. Тёмно-синий, гладкий и тяжёлый. Виктор поднял его, сжал в кулаке, и почему-то стало спокойнее. Как будто дед положил ему на макушку ладонь.

Этот камень отцу не достался: с того утра Виктор носил его при себе. А тайник под половицей оказался таким надёжным, что тетрадь не нашёл никто.

Стук после той ночи прекратился. А весной семьдесят второго отец ушёл из домаи не вернулся. Взял с собой только пальто и дедов фонарь.

Через семь лет Виктор уехал учиться в Москву и возвращался потом в Потсдам только однажды, на один день, хоронить мать. О той среде на чердаке в памяти не осталось ничего. Остался тёмно-синий камень, который с тех пор всегда лежал у него в кармане. Почему именно он, Виктор не смог бы объяснить.

Лесное. Октябрь 1996 года

— …она течёт по стенам, — говорила Татьяна, не открывая глаз. — Не кровь. Гуще. Медленнее. Как будто стены — это берега, а между ними уже ничего нет. Только она.

Виктор подался вперёд.

— А женщина? Где она?

— В реке. Стоит по колено. Не шевелится. А река течёт сквозь неё, как сквозь корни. — Татьяна поморщилась, будто от боли. — Лица нет. Совсем. Гладкая кожа, как у куриного яйца. Я не видела её глаз, но знала, что она смотрит. Не на меня. Внутрь.

— Она говорила. Попробуйте услышать её голос. Высокий? Низкий?

— Ни то ни другое. Он скрипит. Как старая дверь, которую давно не открывали. И влажный… как будто говорят из-под воды. Или из ямы. — Дыхание Татьяны участилось. — Она сказала…

— Что она сказала? Это важно. Держитесь за звук.

— «Он тебя видит». Вот так. «Он тебя видит». А потом подняла руку. Только это была не рука… что-то длинное, тёмное, как тень… и показала прямо на меня. И сказала…

Голос её упал до шёпота.

— «Гость знает тебя. Навсегда».

Что-то упало на пол. Скрипнул стул. В кабинете стало очень тихо, только часы на стене отсчитывали секунды, и каждая была громче предыдущей.

— Что за «Гость»? — Это вышло резко, почти лаем, и Виктор сам не узнал своего голоса.

Татьяна открыла глаза.

— Доктор? Я… я не знаю! Она не сказала. Просто

«Гость». И чувство такое… как будто игла в сердце. Как печать. — Она испуганно смотрела на него. — Вы в порядке? Что упало?

Виктор медленно выдохнул. Заставил себя откинуться на спинку стула, заставил голос стать ровным, сонным, профессиональным.

— Ручка. Просто ручка. — Наклонившись, Виктор поднял её и положил на журнал. — Вы уверены, что это были её слова? Может быть, вы слышали их раньше? По телевизору, в фильме. В детстве?

— Нет. Только там. У Красной реки. — Татьяна вдруг замолчала, глядя на его руку. — Доктор Линднер… а что это у вас? Это камень? Синий такой… гладкий. Похож на мой. Почему вы так крепко его сжимаете?

Виктор опустил глаза.

В его кулаке лежал тёмно-синий камень. Тот, что двадцать пять лет носился в кармане пиджака. Когда достал — не помнил. Пальцы сжимали его так сильно, что побелели костяшки.

Ответа не было. Тишина длилась долго, минуты две или три. Татьяна смотрела на него вопросительно, потом растерянно, потом просто ждала. Тишину нарушал только негромкий стук: то ли камень постукивал о столешницу, то ли ноготь Виктора. Тук. Тук. Тук.

Наконец он заговорил. Голос был усталым, почти сонным:

— На сегодня достаточно, Татьяна. Сессия окончена.

Приходите в четверг. И знайте… — Виктор запнулся. — А впрочем, неважно.

Она кивнула, поднялась с края кресла так же осторожно, как села, и пошла к двери. На пороге обернулась, словно хотела что-то сказать, но только кивнула ещё раз и вышла.

Свой камень она забрала с собой. Виктор посмотрел на собственный, синий, всё ещё зажатый в кулаке, и медленно убрал его обратно в карман.

В дверь заглянула санитарка, Клавдия Петровна, с ведром и шваброй.

— Опять до ночи засиделись, Виктор Брунович? — Она покачала головой. — Свет-то гасите. Я корпус запираю.

— Да, — сказал он. — Сейчас.

Журнал снова лёг перед ним раскрытым. Под словом «Татьяна» появилось: «Красная река. Женщина без лица. Повторный приём — четверг». Подумав, Виктор приписал ниже, мелко, по-немецки, сам не зная почему: «Der Gast kennt dich».

Гость знает тебя.

За окном кончился дождь. Над руинами церкви святого Варфоломея висел туман, и кривые берёзы торчали из него, как пальцы, указывающие в разные стороны. Виктор погасил лампу.

В темноте, где-то очень далеко, под полом, а может быть, двадцатью пятью годами ниже, что-то стукнуло.

Тук. Тук. Тук.

Виктор не обернулся. Он давно перестал оборачиваться.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.